

УДК 343.97:328.185

П.А. КАБАНОВ,

доктор юридических наук, доцент

*Научно-исследовательский институт противодействия коррупции
Института экономики, управления и права (г. Казань)*

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АНТИКОРРУПЦИОННЫЕ ПРОГРАММЫ КАК ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

В статье представлены результаты исследования антикоррупционного планирования и программирования в субъектах Российской Федерации. Проведен структурный анализ региональных антикоррупционных программных документов. Выявлены достоинства и недостатки антикоррупционных программ и предложены некоторые меры по их совершенствованию.

Среди многих апробированных в региональной антикоррупционной практике средств особое место занимают программы (планы) противодействия коррупции, которые, как правило, носят комплексный организационно-правовой характер. Первые антикоррупционные программы в субъектах Российской Федерации появились в 90-х гг. прошлого века как модный атрибут региональной социальной политики, направленный на повышение доверия населения к региональным органам государственной власти, а не как реальный инструмент противодействия коррупции [1]. Хотя, отдельные специалисты уже тогда увидели в антикоррупционных программах, при их очевидной инструментальной ограниченности, их высокий антикоррупционный потенциал, отмечая, что они во взаимосвязи и взаимодействии с другими элементами антикоррупционной политики могут превратиться в эффективное средство противодействия коррупции на региональном уровне [2, с. 93–94, 158–160].

На региональном уровне задача внедрения эффективных механизмов противодействия коррупции была поставлена лишь в 2005 г. в рамках Концепции административной реформы в Российской Федерации в 2006–2010 гг. В результате региональная антикоррупционная политика получила нормативно-организационное развитие во многих субъектах Российской Федерации, где наравне с региональным антикоррупционным законодательством стали приниматься региональные антикоррупционные программы как инструмент организации и управления этим сложным направлением региональной политики.

Однако лишь после того, как проблема коррупции получила официальное признание на высшем политическом уровне, и утверждения Президентом России в июле 2008 г. Национального плана противодействия коррупции [3], а также принятия в след за ним целого блока федерального антикоррупционного законодательства в 2008–2010 гг., большинство субъектов Российской Федерации в спешном порядке стали принимать собственные организационно-правовые программные документы на среднесрочную перспективу, аналогичные федеральным. В одних случаях главы субъектов РФ принимали региональные документы в виде краткосрочных планов, в других вносили изменения в действующие региональные антикоррупционные программы или принимали новые.

Как показывает региональная антикоррупционная практика, именно в этот период в большинстве субъектов Российской Федерации в региональном антикоррупционном законодательстве закрепляется антикоррупционное программирование как один из инструментов противодействия коррупции. Значительная доля субъектов Российской Федерации в своем антикоррупционном законодательстве рассматривают программы противодействия коррупции как универсальное комплексное средство региональной антикоррупционной политики. Об этом, в частности, можно судить по содержанию положений регионального антикоррупционного законодательства, посвященного правовому регулированию антикоррупционного программирования. В нем, обычно, имеется статья, содержащая стандартное определение региональной антикоррупционной программы, ее заказчика и исполнителей, а

также дается характеристика основных видов антикоррупционных программ (ведомственных и/или муниципальных), разрабатываемых на территории субъекта Российской Федерации, хотя имеется и такое региональное антикоррупционное законодательство, в котором эта организационно-правовая мера противодействия коррупции не предусмотрена, либо предусмотрена, но не раскрывается ее содержание и предназначение.

Вместе с тем следует оговориться, что создание региональной многоуровневой системы противодействия коррупции с использованием антикоррупционного программирования было заимствовано из Модельного закона СНГ «Об основах законодательства об антикоррупционной политике» [4], хотя о необходимости использования антикоррупционных программ для формирования и реализации эффективной антикоррупционной политики отечественными специалистами указывалось и ранее [5, с. 30].

Проведенное нами исследование правового регулирования антикоррупционного программирования в субъектах Российской Федерации позволяет сделать вывод, что в различных регионах антикоррупционные программы имеют различный правовой статус. В территории одних субъектов РФ антикоррупционные программы утверждались и/или утверждаются региональным законом (Саратовская (до 2011 г.), Тамбовская, Калужская и Пензенская (до 01.01.2010) области). Вторые – нормативными правовыми актами высшего должностного лица органов исполнительной власти субъекта РФ. В качестве таковых выступают Указы руководителя субъекта Российской Федерации (Владимирская, Омская, Архангельская, Калининградская, Новгородская области, Республика Башкортостан, Удмуртская Республика, Республика Бурятия, Пермский край) или его постановлениями (Костромская, Ленинградская и Волгоградская области, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра) либо распоряжениями (Томская, Ивановская, Тульская, Свердловская, Иркутская области, Республика Саха (Якутия), Республика Адыгея, Камчатский, Забайкальский и Краснодарский края, г. Москва). В-третьих, антикоррупционные программы утверждаются нормативными правовыми актами регионального правительства – постановлениями (Московская, Орловская, Ярославская, Вологодская Мурманская, Астраханская, Кировская, Нижегородская, Оренбургская, Пензенская

(с 2010 г), Самарская, Ульяновская, Курганская, Челябинская, Белгородская, Саратовская (с 2011 г.) и Амурская области, Республика Калмыкия, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Алтай, Республика Хакасия, Республика Северная Осетия – Алания, Чеченская Республика, Республика Марий Эл, Республика Коми, Республика Татарстан, Чувашская Республика, Республика Тыва, г. Санкт-Петербург, Хабаровский край и Еврейская автономная область) и распоряжениями (Рязанская, Тюменская и Новосибирская области, Республика Карелия, Республика Мордовия, Чукотский автономный округ). В-четвертых, нормативными правовыми актами администрации субъекта Российской Федерации – постановлениями (Курская Липецкая, Смоленская, Тверская, Псковская, Брянская, Сахалинская и Магаданская области, Ямало-Ненецкий и Ненецкий автономные округа, Ставропольский, Приморский и Алтайский края) и распоряжениями (Воронежская и Кемеровская области). В-пятых, специализированными региональными органами по противодействию коррупции (Ростовская область и Красноярский край).

Изложенное выше позволяет сделать вывод о том, что значительная доля – 47% – региональных антикоррупционных программ утверждается правительствами субъектов Российской Федерации, 28,9% – высшими должностными лицами региональных органов государственной власти, 18,1% – администрацией региональных руководителей, 3,6% – представительными (законодательными) органами государственной власти субъектов Российской Федерации и незначительная доля, 2,4% – специализированными региональными антикоррупционными органами.

Необходимо отметить, что в современном региональном законодательстве понятие антикоррупционной программы определяется по-разному. Большинство субъектов Российской Федерации позаимствовали в полном объеме этот термин из уже упомянутого Модельного закона СНГ, формулируя его следующим образом: «Антикоррупционная программа является комплексной мерой антикоррупционной политики, обеспечивающей согласованное применение правовых, экономических, образовательных, воспитательных, организационных и иных мер, направленных на противодействие коррупции» [4, с. 412–413], даже там, где такие про-

граммные документы именуется планами противодействия коррупции. Другие формируют собственное определение антикоррупционных программ и наполняют его иным содержанием. Например, в ст. 9 Закона Липецкой области «О предупреждении коррупции в Липецкой области» дано следующее определение антикоррупционной программы: «Областная целевая программа противодействия коррупции представляет собой комплекс научно-исследовательских, социально-экономических, организационных и других мероприятий, увязанных по задачам, ресурсам, исполнителям, срокам реализации и обеспечивающих эффективное предупреждение коррупции» [6]. Близкое к нему определение используется и в Законе Удмуртской Республики «О мерах по противодействию коррупционным проявлениям в Удмуртской Республике», где указано, что «антикоррупционная программа – взаимоувязанный по задачам, ресурсам, срокам осуществления, участникам комплекс мероприятий, описываемый измеряемыми целевыми индикаторами, обеспечивающий согласованное применение правовых, экономических, образовательных, организационных и иных мер, направленных на противодействие коррупционным проявлениям в Удмуртской Республике» [7]. В связи с этим отечественными специалистами было выработано и предложено следующее определение антикоррупционной программы: «Антикоррупционная программа – это система целей, ресурсов, мер, механизмов и технологий их реализации, способов мотивации субъектов и объектов программы для ликвидации недостатков функционирования системы управления, способствующих развитию коррупции» [8, с. 13–14], которое относительно полно отражает содержание этого важного инструмента антикоррупционной политики.

Изложенные выше правовые подходы свидетельствуют о том, что антикоррупционные программы – это один из видов социального планирования по противодействию негативным явлениям в обществе, которым должны быть присущи системность, комплексность, научность, выполняемость [9, с. 26–28] и обеспеченность ресурсами.

Наиболее сложным моментом при анализе региональных антикоррупционных программ является определение целей и задач этих организационно-правовых документов. При этом если цель – это желаемый результат для разработчиков программы, то задачи – это последовательная

совокупность действий и мер, которые к определенному сроку необходимо выполнить, чтобы получить запланированный результат.

Проведенный нами анализ региональных антикоррупционных программ свидетельствует о том, что перед программами ставятся различные по содержанию и объему цели. Наиболее распространенной основной целью региональной антикоррупционной программы, предложенной разработчиками примерной программы противодействия коррупции на 2007–2010 гг., выступает снижение уровня коррупции. Из 83 субъектов Российской Федерации в 52 (62,7%) региональных программах противодействия коррупции предусмотрена основная цель – снижение уровня коррупции.

В то же время встречаются необычные и/или недостижимые основные цели региональных антикоррупционных программ: 1) устранение причин и условий, порождающих коррупцию – 18 (21,7%); 2) создание и/или совершенствование системы противодействия коррупции – 12 (14,5%); 3) возмещение вреда, причиненного коррупционным поведением (Брянская область); 4) повышение эффективности государственного управления; повышение правовой культуры (Мурманская область). Недостижимость этих целей, как правило, обусловлена отсутствием в программах конкретных механизмов их достижения. Кроме того, в большинстве субъектов Российской Федерации наравне с основной целью антикоррупционной программы предусмотрены и дополнительные или промежуточные цели, связанные с основной. Таковыми наиболее часто встречающимися целями являются следующие цели: 1) обеспечение защиты прав и законных интересов граждан, общества и государства от проявления коррупции; 2) содействие органам местного самоуправления в осуществлении антикоррупционных мер; 3) повышение уровня правовой культуры и антикоррупционного поведения населения; 4) формирование нетерпимости граждан к коррупционным действиям; 5) вовлечение институтов гражданского общества и граждан в реализацию основных направлений предупреждения коррупции; 6) формирование в обществе нетерпимого отношения к проявлениям коррупции и др. В отдельных региональных антикоррупционных программах дополнительные (промежуточные) цели выступают в качестве их основных задач. При этом обычно перечень задач антикоррупционной программы бывает доста-

точно широк, поскольку заимствуется из типовой (примерной) программы противодействия коррупции в субъекте Российской Федерации. К тому же исчерпывающий перечень задач сформулировать невозможно, поскольку они указываются в региональных антикоррупционных программах с учетом интересов разработчиков, а с учетом того, что большинство из них не понимают содержание основных терминов, то редактируют их по своему усмотрению, в результате чего появляются прямо противоположные целям задачи. Например, цель антикоррупционной программы – снижение уровня коррупции, а одна из основных ее задач – повышение риска коррупционных действий и потерь от их совершения. Здесь очевидное противоречие между основной целью и одной из задач – повышения потерь от совершения коррупционных действий, поскольку уровень коррупционного поведения может измеряться различными показателями, в том числе и размером потерь от совершенных коррупционных деяний («последствий коррупционного поведения»). Следовательно, снижение уровня коррупции должно предусматривать снижение, а не повышение потерь от коррупционного поведения для государства и общества. Такие очевидные противоречия, связанные с ненадлежащим уровнем правотворческой техники (низкой правотворческой культурой) разработчиков, препятствуют реализации региональных антикоррупционных программ и достижению заложенных в них целей.

Большинство изученных нами региональных антикоррупционных программ в качестве обязательных структурных единиц содержат в себе следующие разделы: 1) совершенствование правового регулирования антикоррупционной деятельности; 2) организационно-управленческие решения по повышению эффективности реализации антикоррупционной политики; 3) информационно-пропагандистская составляющая реализации программы; 4) механизмы государственного контроля за реализацией программы; 5) ресурсное обеспечение реализации программы; 6) критерии (показатели) эффективности реализации антикоррупционной программы; 7) ожидаемые результаты реализации программы.

В качестве совершенствования правового регулирования противодействия коррупции в антикоррупционных программах указывается на принятие новых нормативных правовых актов по отдельным направлениям антикоррупционной

деятельности (антикоррупционному мониторингу, антикоррупционным программам), а чаще всего внесение изменений в действующие антикоррупционные нормативные правовые акты по совершенствованию организации антикоррупционной деятельности.

Организационно-управленческие меры по реализации антикоррупционной программы, как правило, включают в себя: 1) создание специализированных антикоррупционных органов и обеспечение их деятельности (комиссий по соблюдению требований к служебному поведению государственных гражданских служащих субъекта Российской Федерации и урегулированию конфликта интересов; советов при главе региональных органов власти по противодействию коррупции; комиссий по проведению антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов и иных органов); 2) возложение функций по противодействию коррупции на уполномоченное структурное подразделение региональных органов государственной власти или создание специального государственного органа по противодействию коррупции; 3) разработка и утверждение ведомственных антикоррупционных программ в исполнительных органах государственной власти субъекта Российской Федерации; 4) организация и проведение антикоррупционного мониторинга; 5) организация и осуществление антикоррупционного образования; 6) организация системы контроля за соблюдением государственнымными гражданскими служащими антикоррупционных ограничений и др.

Информационно-пропагандистская составляющая реализации региональной антикоррупционной программы сводится к осуществлению нескольких видов относительно самостоятельных мер: а) проведению ежегодных региональных конкурсов средств массовой информации по антикоррупционной проблематике; б) размещению результатов антикоррупционной деятельности в субъекте Российской Федерации на официальном сайте органов исполнительной власти; в) мониторингу (контент-анализу) публикаций средств массовой коммуникации по антикоррупционной проблематике; г) созданию специализированных телевизионных программ по проблемам противодействия коррупции; д) издание материалов социальной рекламы антикоррупционной направленности и др. Все это свидетельствует о

том, что на региональном уровне происходит формирование комплексной системы антикоррупционной пропаганды как необходимого элемента эффективной региональной антикоррупционной политики. Однако в различных регионах этот процесс протекает с разной степенью активности и результативности.

Механизмы государственного контроля за реализацией программы – обязательная составляющая любой региональной антикоррупционной программы. Они включают в себя перечень лиц, наделенных полномочиями по осуществлению функций по контролю за реализацией региональной антикоррупционной программы, порядок и сроки предоставления исполнителями программы информации о ходе ее реализации, а также механизмы проверки достоверности полученной информации от исполнителей (антикоррупционный аудит). Как правило, на региональном уровне государственный контроль за реализацией антикоррупционных программ носит ведомственный характер, когда оценку ее исполнения осуществляет тот или иной государственный орган без взаимодействия с институтами гражданского общества, а оценка эффективности реализации программных мероприятий со стороны общественных организаций игнорируется.

Обязательным элементом региональной антикоррупционной программы является ресурсное обеспечение реализации программы, под которым, как правило, подразумевается финансовое обеспечение исполнения отдельных мероприятий программы. Проведенный нами анализ финансирования региональных антикоррупционных программ свидетельствует о том, что их специальное финансирование из бюджетов субъектов Российской Федерации предусмотрено лишь в 39 субъектах федерации, что составляет лишь 47%. В остальных случаях такое финансирование не предусмотрено либо осуществляется в рамках текущего финансирования. В тех субъектах Российской Федерации, где предусмотрено специальное финансирование антикоррупционных программ за период с 2007 по 2011 гг., а в перспективе и до 2015 г. предусматривается финансирование антикоррупционных мероприятий на сумму 496 267 000 рублей или, в среднем, около 100 млн рублей в год, в то время как ежегодный размер только рынка «бытовых» коррупционных услуг в Российской Федерации оценивался специалистами более 160 млрд рублей [10]. Следовательно, соотношение только рын-

ка «бытовой коррупции» и рынка регионального финансирования антикоррупционной деятельности соотносится как 1600:1. В результате такого очевидного «перекося» в финансовом обеспечении коррупционная деятельность становится более привлекательной, чем антикоррупционная.

Если же проанализировать направления деятельности, по которым предусмотрено региональное финансирование, то выясняется, что значительная доля финансовых ресурсов поступает для решения следующих вопросов: а) формирование системы антикоррупционной пропаганды (создание антикоррупционных программ на радио и телевидении, подготовка, опубликование и размещение материалов антикоррупционной рекламы); б) разработка и изготовление учебной и учебно-методической литературы антикоррупционной направленности и внедрение ее в учебный процесс образовательных учреждений; в) проведение антикоррупционного мониторинга; г) проведение научно-практических конференций, круглых столов, совещаний и иных форумов по обсуждению проблем противодействия коррупции; д) организация повышения квалификации государственных гражданских служащих органов исполнительной власти, в должностные обязанности которых входит участие в противодействии коррупции. При этом финансирование отдельных антикоррупционных мероприятий происходит не своевременно и регулярно, а эпизодически. В связи с этим встает вопрос о повышении эффективности управления финансовыми ресурсами, выделенными на реализацию антикоррупционных программ.

Однако наиболее сложным вопросом реализации региональных антикоррупционных программ остается оценка результативности ее реализации. В большинстве субъектов Российской Федерации оценка результативности антикоррупционной программы осуществляется путем формирования и осуществления мониторинга показателей ее эффективности. Показатели имеют количественные и качественные характеристики. В качестве количественных показателей реализации антикоррупционных программ выступают:

- а) общее количество проведенных антикоррупционных экспертиз проектов региональных нормативных правовых актов и/или региональных нормативных правовых актов;
- б) общее количество публикаций по антикоррупционной проблематике;

в) общее количество антикоррупционных телепередач;

г) общее количество государственных гражданских служащих подавших декларации о доходах;

д) общее количество государственных гражданских служащих, повысивших квалификацию по антикоррупционным образовательным программам;

е) общее количество наименований учебных и учебно-методических пособий, разработанных и опубликованных по антикоррупционной проблематике;

ж) общее количество проведенных заседаний специализированных совещательных, координационных, консультативных или экспертных органов (советов, комиссий и т.д.) по проблемам противодействия коррупции;

з) общее количество проведенных проверок по исполнению антикоррупционного законодательства;

и) общее количество проведенных социологических исследований по антикоррупционной проблематике и др.

Качественными показателями исполнения антикоррупционных программ, как правило, является динамика количественных показателей во времени, то есть с начала реализации программы до ее завершения.

Основными проблемными вопросами оценки результативности региональных антикоррупционных программ является использование качественных и количественных показателей без анализа причин коррупционного поведения. В качестве индикаторов исполнения программы отдельные субъекты Российской Федерации указывают «утопические» или откровенно «бредовые» показатели. Например, по результатам исполнения программных мероприятий должно наблюдаться повышение уровня доверия населения к региональным органам государственной власти по результатам социологических вопросов населения. Так, в областной целевой программе Еврейской автономной области по противодействию коррупции на 2011–2013 гг. предусмотрено, за счет ее реализации, достижение уровня доверия общества к деятельности областных органов государственной власти до 80% к 2013 г. [11]. Аналогичный показатель, иногда именуемый «доля граждан, доверяющих деятельности органов государственной власти области», просматривается в 28 субъектах Россий-

ской Федерации, или каждом третьем регионе. На наш взгляд, достижение подобных относительных показателей не является целями антикоррупционного программирования и не может достигаться исключительно реализацией антикоррупционных программ, поскольку общественное доверие к деятельности органов государственной власти и местного самоуправления формируется множеством факторов, не связанных напрямую с противодействием коррупции. Другим «бредовым» показателем реализации региональных антикоррупционных программ является «снижение уровня коррупции при исполнении государственных функций и предоставлении государственных услуг органами исполнительной власти области» по оценке различных групп населения, полученных в результате социологического опроса населения. В одних субъектах предусмотрено снижение по итогам реализации программных мероприятий (Калужская область) «на 40% пунктов – по оценке граждан; на 30% пунктов – по оценке предпринимателей», в других, – «не менее 10% ежегодно» (Брянская область). Хотя отдельные специалисты полагают, что в этих субъектах Российской Федерации наиболее качественные по содержанию и социально-технологической культуре антикоррупционные программные документы [8, с. 22].

Как показывает проведенное нами исследование, нет единства не только в критериях оценки результативности антикоррупционных программ, но и в сроках их реализации. Из 89 региональных программных документов, подвергнутых нами структурному анализу, значительная доля (40 единиц, или 44,9%) принималась на среднесрочную перспективу, то есть на срок около трех лет. Вместе с тем региональные органы государственной власти иногда принимали антикоррупционные программные документы и на более длительные сроки – 4 года (Саратовская и Липецкая области), 5 лет (Орловская область и Ставропольский край) и даже 6 лет (Чувашская Республика). Однако, наиболее распространенными оказались антикоррупционные программные документы на краткосрочную перспективу, на срок до двух лет – 36 единиц, или 40,5%. Из них 24 документа на срок до двух лет и 12 документов на срок в 1 год. Среди исследованных нами региональных антикоррупционных программных документов обнаружилось пять планов противодействия коррупции, в которых не предусматривались сроки их реализации (Ле-

нинградская, Калининградская и Новгородская области и Краснодарский и Камчатский края).

Оценивая в целом состояние региональных антикоррупционных программ, можно сказать, что они разрабатываются, изменяются и дополняются в результате сиюминутного проявления «политической воли» навязанной «сверху» федеральными органами государственной власти, а не вызваны объективной потребностью (необходимостью) противодействия коррупции на региональном уровне. Поэтому антикоррупционные программные документы противоречивы, а их заявленные цели – не достижимы или труднодостижимы в обозримом будущем. Другой причиной низкого качества антикоррупционных программных документов является низкая профессиональная квалификация их разработчиков, как правило, состоящих из представителей государственных и муниципальных органов. По исследованным нами региональным антикоррупционным программным документам только 7 из них, или 7,8%, разрабатывались органами государственной власти с участием представителей институтов гражданского общества. Не менее важным фактором качества антикоррупционных программных продуктов является отсутствие научных исследований по вопросам стратегического планирования антикоррупционной деятельности и, как следствие, специальных образовательных программ, посвященных подготовке и переподготовке таких специалистов.

В связи с изложенным можно предположить, что для повышения качества антикоррупционного планирования и программирования на федеральном, региональном и муниципальном уровнях необходимо следующее. Во-первых, разработка стратегических региональных антикоррупционных программных документов на долгосрочную перспективу – 10–15 лет, которые можно именовать по-разному – Стратегии, Концепции и т.д. Во-вторых, продолжение проведения научных исследований в области прогнозирования и планирования антикоррупционной деятельности на различных уровнях. В-третьих, начать разработку образовательных

программ по антикоррупционному планированию и программированию для различных категорий обучающихся, с учетом антикоррупционной практики их успешной реализации на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

Список литературы

1. О комплексной программе мер по предотвращению коррупции в Нижегородской области: Постановление Администрации Нижегородской области от 11 июня 1999 г. // Нижегородские новости. – 1999. – 21 июля.
2. Газимзянов Р.Р. Коррупционная преступность в Республике Татарстан на рубеже веков (криминологическое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2005.
3. Национальный план противодействия коррупции на 2010–2011 годы, утв. Президентом РФ от 31.07.2008. № Пр-1568 // Российская газета. – 2008. – 5 августа.
4. Об основах законодательства об антикоррупционной политике: модельный закон, принятый на пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ 15 ноября 2003 г. // Международно-правовые основы борьбы с коррупцией и отмыванием преступных доходов: сб. документов / сост. В.С. Овчинский. – М.: Инфра-М, 2004. – С. 398–430.
5. Лопатин В.Н. О системном подходе в антикоррупционной политике // Государство и право. – 2001. – №7.
6. О предупреждении коррупции в Липецкой области: Областной закон Липецкой области от 7 октября 2008 г. №193-оз. – URL: <http://www.uao-lipetsk.ru/492/494/208.htm>
7. О мерах по противодействию коррупционным проявлениям в Удмуртской Республике: Закон Удмуртской Республики от 20 сентября 2007 г. №55-РЗ // Противодействие коррупции: вопросы реализации антикоррупционной политики на ведомственном и муниципальном уровнях: сб. нормативных актов / сост. П.А. Кабанов. – Казань: Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2010. – Ч. 1. – С. 79–82.
8. Селезнев Ю.А. Совершенствование антикоррупционных программ субъектов Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Орел, 2011.
9. Бородин С.В. Борьба с преступностью: теоретическая модель комплексной программы. – М.: Наука, 1990.
10. Фомченков Т. Подсчитали – удивились. Россияне признают взятку нормой жизни // Российская газета. – 2011. – 15 июня.
11. Об областной целевой программе «Противодействие коррупции» на 2011–2013 гг.: Постановление Правительства Еврейской автономной области от 22 июля 2010 г. №294-ПП // Документ находится в личном архиве автора.

В редакцию материал поступил 30.09.11

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, антикоррупционная программа, план противодействия коррупции, эффективность противодействия коррупции.